

Говард Филлипс Лавкрафт

Затаившийся страх

(The Lurking Fear)

1. Тень на каминной трубе

В ту ночь, когда я явился в заброшенный особняк на вершине Темпест-Маунтин в поисках Затаившегося Страх, воздух сотрясался от бушующей в окрестностях грозы. Я прибыл туда не один: безрассудная храбрость тогда еще не сопутствовала моей любви к ужасным и невероятным тайнам бытия любви, превратившей мой жизненный путь в непрерывную череду поисков необъяснимых ужасов в литературе и действительности. Со мной были двое люди надежные и сильные, за чьей помощью я уже обращался в свое время. С тех пор они постоянно сопровождали меня во всех опасных экспедициях, ибо как нельзя лучше подходили для этого.

Мы покинули деревню без лишнего шума, опасаясь репортеров, которые не спешили разъезжаться по домам, хотя миновал уже месяц с того дня, когда кошмарные деяния смерти повергли местных жителей в состояние невероятной паники. Позже у меня возникла мысль, что эти репортеры могли бы оказать мне помощь, но в тот момент я и слышать о них не хотел. Ни на секунду не допускал я даже мысли о том, чтобы взять их с собой в качестве помощников. Ведь по ходу поисков я рано или поздно выдал бы им свою тайну, которую никому не решался доверить из страха, что мир сочтет меня безумцем или свихнется сам. И даже сейчас, осмеливаясь рассказывать обо всем происшедшем и надеясь, что мои мучительные размышления еще не сделали меня маньяком, я жалею о том, что тайна раскрыта. Ибо только я один знаю, что такое Страх, затаившийся на этой зловещей необитаемой горе.

Наш небольшой автомобиль милю за милей продвигался по первозданным лесам и холмам и наконец остановился перед густо заросшим деревьями крутым подъемом. То была мрачная местность. Нам уже доводилось осматривать ее, но прежде она не производила столь гнетущего впечатления, как теперь, когда на нас надвигалась ночь и вокруг не было видно ни одного из зевак, толпами бродивших здесь в последнее время. Ничто не мешало нам зажечь ацетиленовый фонарь, но мы удержались от этого соблазна: пламенем фонаря легко привлечь чье-нибудь недружелюбное внимание. В сгустившейся тьме пейзаж приобрел зловещие очертания, и его болезненная странность наверняка бросилась бы мне в глаза, даже если бы я и понятия не имел о бродившем там ужасе. Дикая природа здесь не водилась инстинкт самосохранения не пускал их в места, где разгуливали сама смерть. Озаряемые вспышками молний старые деревья и кустарники трепетали, как в лихорадке и казались неестественно толстыми, а холмы и пригорки, поднимавшиеся над землей, покрытой бурьяном и оспинами рытвин, напоминали свернувшихся клубками змей и голые черепа, раздутые до гигантских размеров.

К тому времени Темпест-Маунтин уже более ста лет был обителью Затаившегося Страх. Я узнал об этом из газетного репортажа о бедствии, постигшем эти места и приковавшем внимание всего мира. Местность эта представляет собой уединенную

пустынную возвышенность в той части Катскильских гор, что отмечена слабым и кратковременным проникновением голландской цивилизации. Собственно, все, что последняя оставила по себе, это несколько полуразрушенных особняков да тронутых печатью вырождения поселений, представлявших из себя пару-другую жалких деревушек, разбросанных по этим Богом забытым склонам. До тех пор, пока не была организована местная полиция, представители цивилизованного мира были редкими гостями в здешних краях; впрочем, и сегодня патрулирование местности осуществляется весьма незначительными силами. О живущем на склонах горы кошмаре повествовали старинные предания, ходившие среди жителей окрестных деревень. Эта тема была самой значительной в незатейливых беседах бедняков-полукровок, покидавших пределы своих долин только затем, чтобы выменять сплетенные ими корзины на еду, которую они сами были не в состоянии вырастить или добыть охотой, да на самую простую утварь, которую они не умели изготовить.

Затаившийся Страх поселился в мрачном необитаемом особняке Мартенсов, расположенном на высокой и вместе с тем не очень крутой возвышенности, названной Темпест-Маунтин из-за часто случающихся над нею гроз. Вот уже более ста лет об этом старинном доме, окруженном дремучим лесом, рассказывают самые невероятные и ужасающие истории, в которых фигурирует громадная, бесшумно подкрадывающаяся смерть, которая с наступлением лета покидает пределы дома и начинает бродить в округе. С раздражающим увлечением местные жители передавали легенды о демоне, который с наступлением темноты хватает одиноких путников, чьи тела находят затем в чудовищном состоянии расчлененные, с обглоданными костями. Либо не находят совсем. В некоторых рассказах шепотом упоминаются кровавые следы, ведущие к проклятому особняку. Одни говорят, что Затаившийся Страх из его убежища вызывает гром, другие утверждают, что это просто его голос.

Никто из живущих за пределами этой лесной глуши никогда не верил этим пестрым и противоречивым рассказам с их бессвязными, нелепыми описаниями таинственного демона. И как раз наоборот, ни одному из тамошних фермеров или деревенских жителей и в голову не приходило усомниться в том, что особняк Мартенсов населен нечистой силой. Такого рода вольнодумства местные жители не допускали, хотя ни одному из любопытствующих, что посещали особняк под впечатлением наиболее живописных рассказов, так и не удалось обнаружить каких-либо зловещих следов существования монстра. От древних старух можно было услышать живописные истории о призраке заброшенного дома, о семействе Мартенсов, о их разноцветных глазах, ставших своеобразным наследственным признаком, о их сверхъестественном долголетии и об убийстве, ставшем проклятием их рода.

Ужас, наполнявший самые фантастические местные легенды, заявил о себе неожиданным и жутким образом; это, собственно, и привело меня сюда. Однажды летней ночью, после грозы небывалой силы, вся округа была поднята на ноги жителями одной из деревень, ударившимися в паническое бегство от родных очагов. Событие это никак не могло быть результатом примитивного обмана или розыгрыша. Сбившиеся в жалкие кучки поселяне почти онемели от охватившего их неопишуемого ужаса; они сами толком не знали, что их так перепугало, и в то же время ни на миг не сомневались в реальности страшной угрозы. Они ничего не видели, однако из соседней деревни до них

доносились такие жуткие вопли, что несчастные не сомневались туда пришла Крадущаяся Смерть.

Утром местные жители и представители полиции штата последовали за трясущимися от страха горцами в деревушку, куда, по их словам, явилась смерть. Она действительно побывала там. Было похоже на то, что от удара молнии под всем этим поселением буквально разверзлась земля, попутно разрушив несколько утлых, зловонных лачуг; но эти материальные потери не шли ни в какое сравнение с числом человеческих жертв и их жутким видом. Из семидесяти пяти человек, населявших, по некоторым подсчетам, эту деревню, на месте трагедии не было найдено ни одного оставшегося в живых. Вздыбленная земля была покрыта кровью и страшными ошметками человеческих тел, вид которых красноречиво свидетельствовал о ярости и разрушительной мощи когтей и зубов демона. В то же время не было видно ни единого следа, ведущего с места этого кровавого пиршества. Все, кто осматривал место трагедии, пришли к единодушному мнению, что злодеяние совершено скорее всего каким-то невероятно злобным и сильным животным. Вместе с тем, в тот момент ни у кого не повернулся язык высказать предположение о том, что загадочная смерть всех этих людей явилась результатом массового убийства, каковые часто встречались в среде опустившихся поселенцев. Такая версия возникла лишь после того, как были обнаружены двадцать пять обитателей подвергшейся жуткому нашествию деревни, которым удалось избежать печальной участи большинства. Однако чем было объяснить хотя бы то, что этим двадцати пяти удалось зверски расправиться со своими сородичами, вдвое превосходившими их числом? Факт оставался фактом в ту летнюю ночь с небес прогремел гром, который оставил после себя мертвую деревню, усеянную растерзанными и изуродованными самым чудовищным образом телами ее обитателей.

Взбудораженная округа немедленно связала это ужасное событие с заколдованным особняком Мартенсов, несмотря на то, что он отстоял от места трагедии более чем на три мили. Полицейские скептически пожимали плечами расследуя дело, они лишь косвенно увязывали существование особняка с происшедшим, а когда узнали, что он необитаем, и вовсе забыли о нем. Местные жители, однако, с величайшей тщательностью обследовали старый дом: они перевернули все вверх дном, прощупали длинными шестами пруды и ручьи, переломали все кусты и прочесали прилегавший к дому лес. Все было тщетно смерть, потрясая округу своим явлением, сделала свое дело и удалилась восвояси.

На второй день поисков об этом деле уже всю трубили газеты, чьи репортеры наводнили склоны Темпест-Маунтин. Они детально описали случившееся и взяли несусветное множество интервью у местных старожилков, пытаясь пролить свет на эту жуткую историю. Я был далеко не в восторге от их репортажей, ибо сам справедливо считаюсь большим знатоком ужасов и полагаю их своей прерогативой. И вот, неделю спустя, под влиянием какого-то необъяснимого импульса я зарегистрировался в числе репортеров, буквально оккупировавших гостиницу в Леффертс-Корнерз, ближайшей к Темпест-Маунтин деревушке, и в тот же день, 5 августа 1921, года получил допуск в поисковый штаб. Недели через три репортеры в большинстве своем разъехались, тем самым предоставив мне свободу действий, и я приступил к собственному расследованию прежде всего на основании тщательно подобранных документов и описаний места происшествия, которые мне удалось собрать еще до отъезда газетчиков.

Итак, в ту летнюю ночь я вышел из машины, заглушил двигатель и, внимая отдаленному ворчанию грома, в сопровождении двух вооруженных спутников двинулся вперед, преодолевая последние подступы к вершине Темпест-Маунтин и освещая электрическим фонарем уже замаячившие между стволами гигантских дубов призрачно-серые стены. Окутавший одинокую громаду здания мрак ночи, который не могли прорвать лучи слабого света, пробуждал во мне зловещие предчувствия. И все же я продолжал путь без малейших колебаний. Моя решимость проверить свою гипотезу была тверда, как алмаз. Гипотеза же заключалась в том, что гром вызывает демона смерти из какого-то страшного потайного убежища; сам же демон вполне может оказаться как материальным телом, так и неким смертоносным духом в любом случае я шел на Темпест-Маунтин с целью увидеть его.

В предыдущие дни я успел тщательно осмотреть полуразрушенное здание это было частью моего скрупулезно разработанного плана. В соответствии с ним для нашего ночного бдения была выбрана бывшая спальня Яна Мартенса, убийство которого часто упоминалось в деревенских легендах. Смутное чувство подсказывало мне, что помещение, в котором жил много лет назад сделавшийся жертвой злодеяния один из Мартенсов, наилучшим образом соответствует моей цели. В комнате площадью около двадцати квадратных футов, расположенной на втором этаже в юго-восточном углу здания, как и повсюду в доме, валялись обломки мебели и прочая рухлядь. В окнах одно из них, выходящее на восток, отличалось огромными размерами, другое, обращенное на юг, было небольшим и довольно узким недоставало стекол и ставен. Против большого окна располагался внушительных размеров голландский камин, украшенный изразцами с запечатленным на них библейским сюжетом о блудном сыне. Против другого окна стояла просторная, встроена в стену кровать.

Я прислушивался к раскатам грома, пробивавшимся сквозь плотную стену деревьев, и обдумывал дальнейшие шаги. Первым делом я решил подготовить возможные пути к отступлению и закрепил на боковых выступах большого окна три веревочные лестницы, которые благоразумно прихватил с собой. Их нижние концы касались травы под окном я проверил это заблаговременно. Затем мы приволокли из другой комнаты широкую кровать на ножках и поставили боковой стороной к окну. Забросав кровать еловыми ветками, мы расположились на ней, держа наготове оружие. Согласно моему плану, всю ночь попеременно двое должны были отдыхать, а третий нести дежурство. Откуда бы ни появился демон, возможность отхода была нам обеспечена. Если он войдет в комнату через дверь, мы ускользнем по веревочным лестницам, а если влезет в окно, в нашем распоряжении дверь и лестница внутри здания.. Нам и в голову не приходило, что все может обернуться гораздо хуже, хотя, памятуя о недавнем жутком происшествии, мы обязаны были внутренне подготовиться к самому страшному.

В какой-то момент моего дежурства, а именно между полночью и часом ночи, несмотря на зловещую обстановку, открытые окна и приближавшуюся грозу, мною овладела странная дремота. Я расположился между двумя своими спутниками Джорджем Беннетом (он был ближе к окну) и Уильямом Тоби, лежавшим у камина. Беннет спал, очевидно охваченный, тою же болезненной дремотой, что и я, поэтому дежурство я передал Тоби, хотя и он уже клевал носом. И вдруг поймал себя на том, что пристально смотрю на камин, более того, я был просто не в силах оторвать от него глаз, что само по себе было довольно странно.

Пронесившиеся перед моим внутренним взором образы наверняка были навеяны приближавшейся грозой, ибо во время короткого сна меня посетили поистине апокалиптические видения. Один раз я наполовину проснулся скорее всего по той причине, что мой товарищ, лежавший у окна, беспокойно взмахнул рукой и уронил ее мне на грудь. В полусне я не видел, насколько бдительно стоит на часах Тоби, но помню, что испытал острое беспокойство по этому поводу. Силы зла угнетали меня своим присутствием. Потом я, кажется, снова уснул, вновь погрузившись в некий потусторонний хаос, но почти сразу же был вырван оттуда разрезавшим ночную тишину жутким воплем, подобного которому мне не доводилось слышать ни разу в жизни. Ни до того, ни после мое в достаточной мере богатое воображение не могло воссоздать этот страшный, леденящий душу вой.

Исходивший из самых глубин человеческого естества страх сливался в этом вопле с агонией бешеной и безнадежной борьбы против демонической тяги черных врат забвения, по ту сторону которых кончалась жизнь и начиналось неведомое. В кромешной тьме ощутив справа от себя пустое пространство, я понял, что Тоби исчез одному только Богу ведомо куда. На груди у меня все еще лежала тяжелая рука другого моего товарища.

Чудовищный удар молнии потряс гору. Она дрогнула и пошла ходуном. Яркий свет озарил древнюю рощу, и самый могучий из дубов, патриарх этих изогнувшихся под напором вихря деревьев, остался стоять рассеченный надвое. В дьявольской вспышке молнии я увидел, как другой мой спутник внезапно вскочил; в отблеске небесного пламени, проникшего в комнату через окно, его тень упала на трубу камина, с которого я по-прежнему не сводил глаз. Тем, что остался жив и не потерял рассудок, я обязан необъяснимому чуду. Именно необъяснимому, ибо тень на каминной трубе не была тенью Джорджа Беннета и вообще никакой другой человеческой тенью это был страшный, уродливый, богопротивный силуэт, исчадие самых потаенных глубин ада; бесформенная мерзость, не поддающаяся описанию и недоступная восприятию слабого человеческого рассудка. Мгновение спустя я остался один в этом отмеченном печатью проклятия доме, и тут-то меня затрясло крупной дрожью. Джордж Беннет и Уильям Тоби исчезли, не оставив после себя никаких следов. Об их дальнейшей судьбе мне ничего не известно.

2. Застигнутые бурей

После страшного приключения в особняке я несколько дней пролежал в комнате, которую снимал в Леффертс-Корнерз. Потрясение, полученное мною в этом проклятом доме, привело к нервному истощению. Я почти не помнил, как мне удалось добраться до автомобиля, завести его и беспрепятственно проскользнуть обратно в деревню. В памяти возникали только неясные контуры гигантских деревьев, раскинувших свои огромные ветви у меня на пути и напоминавших облаченные в доспехи и увешанные оружием фигуры сказочных великанов. Помню я и демонические раскаты грома, и адские тени, отбрасываемые низкими холмами, которыми сплошь и рядом была усеяна местность.

Охваченный лихорадочным ознобом, я тщетно пытался представить себе то отвратительное существо, что бросило на камин кошмарную тень, при виде которой я едва не сошел с ума. Я отчетливо сознавал, что наконец-то мне удалось увидеть пусть

мельком один из величайших ужасов мира, одного из бесчисленных монстров потусторонних глубин одного из тех чудовищ, что вечно точат свои когти в темноте, тревожа нас производимыми при этом звуками. Мы слышим их, стоит нам приблизиться к последнему пределу, но зрению нашему, благодаря милосердной Природе, они недоступны. Я пытался бесстрастно проанализировать увиденное, но на это у меня не хватило духу: едва я пытался отнести это Нечто, лежавшее в ту ночь между мной и окном, к известным мне классам существ и явлений, как меня начинала бить неодолимая дрожь словно инстинкт самосохранения срабатывал во мне, требуя забыть пережитый ужас. Отбросившее тень существо не проронило ни звука; если бы оно издало рычание, заворчало или разразилось издевательским смехом, мне было бы легче пережить воспоминание об испытанном мною вселенском кошмаре. Но его присутствие было совершенно безмолвным. Его тяжелая рука или, вернее, передняя конечность лежала у меня на груди... Скорее всего, это было органическое тело, либо когда-то бывшее органическим... Ян Мартенс, в чью комнату я вторгся, покоился в могиле неподалеку от особняка... Я должен был отыскать Беннета и Тоби, если, конечно, они еще живы... Почему, взяв их, оно не тронуло меня? Какая удушающая дремота и какие ужасные сновидения...

Скоро я пришел к выводу, что, дабы не сойти с ума, мне просто необходимо рассказать кому-нибудь о случившемся. К тому времени я уже решил не прекращать поиски Затаившегося Страха, ибо для меня нет ничего хуже неопределенности я предпочитал знать истину, какой бы страшной и отталкивающей она ни была. Исходя из этого, после долгих раздумий я выбрал линию поведения, какой мне следовало отныне придерживаться, человека, которому я мог доверить свою тайну, и, наконец, способ, каким можно было выследить демона, стеревшего с лица земли моих спутников и одним лишь видом своей кошмарной тени едва нелишившего меня рассудка.

Среди моих знакомых в Леффертс-Корнерз практически не было местных жителей, зато я успел войти в контакт со многими репортерами, и они оказались довольно славными ребятами. Кое-кто из них еще оставался на месте в надежде раскрыть загадку ужасной трагедии. Один из таких упрямцев очень пригодился бы мне в качестве помощника, и чем дольше я раздумывал, тем больше склонялся к кандидатуре Артура Монроу. Это был темноволосый худощавый человек лет тридцати пяти от роду, чьи образованность, вкус, интеллект и темперамент выдавали незаурядную натуру, свободную от воздействия традиционных идей и понятий.

В начале сентября я посвятил Артура Монроу в свою тайну и сразу увидел, что эта история вызывает в нем неподдельный интерес и что, более того, он также проникся желанием во что бы то ни стало раскрыть загадку Затаившегося Страха. Когда я умолк, он проанализировал отдельные моменты моего повествования, проявив при этом величайшую проницательность и здравый ум. Но что было особенно ценным, так это его в высшей степени практичные рекомендации: например, он посоветовал отложить все наши действия вокруг дома Мартенсов до тех пор, пока мы не вооружимся более подробными историческими и географическими сведениями. По его инициативе мы прочесали всю округу в поисках информации, касавшейся семейства Мартенсов и его зловещих тайн, и вышли на человека, обладавшего ценными сведениями об этом таинственном клане для нас это было поистине чудесной находкой. Кроме того, не жалея времени, мы подолгу беседовали с теми из местных жителей, что, несмотря на

пережитый ужас, остались в родных местах. Для успеха нашего предприятия был также совершенно необходим скрупулезный осмотр всех мест, так или иначе связанных с трагедиями, которые упоминались в рассказах поселян.

Было бы преувеличением сказать, что результаты этой работы пролили свет на тайну, которая не давала нам покоя; и все же, тщательно осмотрев места, где, по рассказам аборигенов, случались несчастья, мы обнаружили одну любопытную закономерность чаще всего кошмары происходили в непосредственной близости от заброшенного дома или в окружавших его мрачных лесных чащобах. Были впрочем, и исключения из этого правила. Например, последнее из кошмарных происшествий, то самое, о котором узнал весь мир, случилось в пустынной местности вдали от дома и прилегавших к нему лесных массивах.

Что же касается происхождения и внешнего вида Затаившегося Страха, с этим дело обстояло хуже недалекие и забитые деревенские жители не могли сказать ничего определенного по этому поводу. В своих сбивчивых рассказах они выставляли его то змеей, то человекоподобным гигантом, а то и мечущим грома и молнии дьяволом, летучей мышью, стервятником или ходячим деревом. На первых порах мы решили ограничиться выводом, что это живой организм, весьма чувствительный к природным явлениям, связанным с освобождением электрических разрядов; хотя некоторые легенды и наделяли его крыльями, мы все же предпочли гипотезу о чисто наземном существе ведь чаще всего оно старательно избегало открытых пространств. С другой стороны, как можно было объяснить ту сверхъестественную быстроту, с которой оно передвигалось, совершая свои злодеяния?

Мало-помалу, нам удалось довольно близко сойтись с местными жителями. Они вызывали у нас неподдельный интерес. Дурная наследственность и глухая изоляция вынудили их опуститься на несколько ступеней эволюционной лестницы, и теперь их уделом было чисто растительное существование. Они боялись чужаков, но постепенно привыкли и даже привязались к нам, и когда мы прочесывали заросли вокруг особняка Мартенсов и прощупывали каждый его уголок в поисках затаившегося страха, они оказали нам большое содействие. Однако, едва мы заикнулись о том, что нам нужно найти Беннета и Тоби, как они впали в отчаяние, ибо, несмотря на совершенно искреннее желание помочь нам, они были твердо уверены в том, что, как и их пропавшие без вести сородичи, эти двое навсегда ушли из мира людей. Мы, в свою очередь, были убеждены, что большинство местных жителей оказались жертвами похищений или убийств, которые никак не могли быть совершены хищниками, давным-давно истребленными в этих местах. Нам оставалось только с замиранием сердца ожидать дальнейших событий.

Миновала середина октября, а дела наши не продвинулись почти ни на шаг. Должно быть, ясные ночи отпугивали демона, и он не осмеливался предпринимать никаких агрессивных действий. Несмотря на тщательность, с которой мы обследовали дом и местность, нам не удалось достичь какого-либо ощутимого результата, и в конце концов мы пришли к выводу, что Затаившийся Страх был нематериальным явлением. Мы боялись скорого наступления холодов, полагая, что они надолго прервут наше расследование: имевшиеся у нас в распоряжении факты однозначно указывали на то, что

зимой демон ведет себя тихо. А потому наш последний осмотр подвергшейся нашествию демона деревушки, проведенный нами в один из октябрьских дней, отличался излишней спешкой, граничившей с отчаянием. В деревне не было ни души. Страх заставил жителей уйти отсюда.

Несмотря на то, что злополучная деревушка была довольно старым поселением, у нее до сих пор не имелось названия. С незапамятных времен стояла она в безлесой, но уютной теснине между двумя возвышенностями, которые именовались Коун-Маунтин и Мейпл-Хилл; деревня прилежала несколько ближе к последней из них несколько землянок и хижин были устроены прямо на ее склоне. Если оперировать географическими понятиями, то деревня, о которой идет речь, находится в двух милях к северо-западу от Темпест-Маунтин и в трех милях от стоящего в дубраве особняка. Между особняком и окраиной деревни на две с четвертью мили простиралась совершенно открытая, довольно ровная местность если не считать редких холмиков, напоминающих свернувшихся на солнце змей. На ней не росло ничего, кроме сорной травы да встречавшихся местами зарослей бурьяна. На основании этой топографической диспозиции мы в конце концов заключили, что демон пришел с Коун-Маунтин, южный склон которой, заросший лесом и довольно сильно вытянутый в длину, почти достигал западного отрога Темпест-Маунтин. По смещениям почвы мы нашли оползень, спускавшийся с Мейпл-Хилл. Кроме того, нам сразу же бросилось в глаза стоявшее на ее склоне одинокое дерево прямое и высокое, оно было расщеплено надвое страшным ударом грома, вызвавшим демона из его логова.

Не менее двадцати раз мы с Артуром Монроу скрупулезно, дюйм за дюймом осматривали растерзанную деревню, ощущая при этом неясный, нараставший с каждой минутой страх, лишавший нас способности здраво мыслить и анализировать увиденное. Каким-то странным образом мы были уверены в том, что кошмарная трагедия, опустошившая деревню, не даст нам абсолютно никакого ключа к разгадке, а нависшие прямо над нашими головами свинцовые тучи, казалось, только подчеркивали трагичную безрезультатность наших усилий. Мы обследовали место со всей возможной тщательностью осмотрели каждый дом, каждую землянку в поисках тел погибших, не оставили без внимания ни единого фута прилегавшего к деревне склона, пытались обнаружить пещеру или какое-нибудь другое укрытие, но все было напрасно. Как я уже говорил, все это время над нами витала какая-то неясная угроза, как если бы громадные грифоны с перепончатыми крыльями плотоядно взирали на нас из космической бездны.

До вечера было еще далеко, но на нас быстро надвигалась темнота; вскоре слышалось ворчание грозы, собиравшейся над Темпест-Маунтин. Даже сейчас, в дневное время, звук грома, прокатившийся над этой проклятой местностью, заставил нас содрогнуться; нечего и говорить, что возможность быть застигнутыми грозой во мраке ночи вызывала у нас панический ужас. И все же мы отчаянно надеялись на то, что гроза разразится именно после наступления темноты. Покинув склон горы, на осмотр которого ушла впустую уйма времени, мы направились к ближайшему обитаемому селению, где рассчитывали найти нескольких жителей, согласных помочь нам в поисках. Хотя подобные предложения и вызвало у большинства из них суеверный ужас, несколько молодых поселенцев все же не раз соглашались сопровождать нас при условии, что мы будем идти впереди и защищать их от любых неожиданностей.

Однако нашим планам не суждено было осуществиться. На нас обрушился проливной дождь, и плотная водяная завеса преградила нам путь. Нужно было срочно искать укрытие. Небо было темным, почти как ночью, и это обстоятельство, в сочетании с безумным ливнем, невероятно затрудняло каждый шаг. К счастью, за время наших предыдущих вылазок мы хорошо изучили местность, а потому, определяя направление движения в свете грозových разрядов, мы быстро добрались до скопления убогих домишек и забрались в хижину, которая показалась нам не такой дырявой, как все остальные. В этой грубо сколоченной из разнокалиберных бревен и досок хибарке еще сохранилась дверь; было в ней и одно-единственное крошечное окошко. И дверь, и окно были обращены в сторону Мейпл-Хилл. Заложив дверь толстой жердью, чтобы ее не могли распахнуть дождь и ветер, мы закрыли окно тяжелыми ставнями, отыскать которые не составило труда, поскольку мы уже не раз бывали в этой хижине. Угнетенные кромешной тьмой и вынужденным бездействием, мы молча сидели на шатких ящиках и курили трубки, время от времени включая свои карманные фонарики. Вспышки молний пробивались сквозь щели в стенах хижины; несмотря на дневное время, снаружи стояла такая жуткая темнота, что каждая вспышка буквально ослепляла нас.

Окружающая обстановка, включая неистовство разыгравшейся стихии и состояние тягостного ожидания, до боли в сердце напомнила мне кошмарное ночное бдение в особняке на Темпест-Маунтин. И опять, в который уже раз, мне в голову полезли проклятые вопросы, непрестанно мучившие меня с момента исчезновения Тоби и Беннета, унесенных дьявольской тенью на каминной трубе. Почему демон, подкравшийся к трем наблюдателям либо со стороны окна, либо от входной двери, схватил обоих лежавших по краям и не тронул меня, находившегося посередине? Или он приберегал меня напоследок? Постигла бы меня участь моих спутников, если бы титанический удар молнии не спугнул его тогда? Почему жертвы не были схвачены в естественном порядке, при котором, с какой стороны ни возмись, я оказался бы вторым? И вообще, как ему удалось захватить Тоби и Беннета с помощью длинных щупальцев или каким-нибудь еще более хитроумным образом? А может быть, он знал, что я был главным в этой компании, и уготовлял мне гораздо более страшный конец, нежели моим компаньонам?

За этими невеселыми раздумьями и застал меня чудовищный удар молнии, сопровождаемый шумом осыпающейся земли. Одновременно поднялся свирепый ветер, демонические завывания которого усиливались с каждой минутой. Мы были уверены, что еще одно дерево на Мейпл-Хилл стало жертвой страшного грозového удара, и Монроу поднялся с ящика, желая убедиться в этом собственными глазами. Едва он снял ставень, как в узкое окошко с оглушающим свистом ворвались дождь и ветер, помешавшие мне расслышать, что говорил Артур. Он между тем наполовину высунулся из окна, обозревая устроенную Природой адскую свистопляску.

Через некоторое время ветер начал понемногу стихать, а неестественный мрак рассеиваться. Судя по всему, буря кончалась. До сих пор я надеялся, что буйство стихии захватит ночные часы, и мы хоть немного приблизимся к разгадке демонической тайны, однако луч солнечного света, украдкой пробившийся в хижину сквозь щель в стене, лишил меня этой надежды. Я сказал Артуру, что нам нужно впустить в хибарку побольше света, пусть даже вместе с дождем, и распахнул дверь настежь. Почва вокруг домика

представляла из себя однообразную грязевую массу, сильно размытую водой; однако вокруг не было решительно ничего, что могло бы на такой длительный срок привлечь внимание моего спутника, который по-прежнему стоял спиной ко мне, высунувшись из окна, и не отвечал на мои вопросы. Приблизившись к нему, я тронул его за плечо, но он никак не отозвался на мое прикосновение. Тогда я шутливо встряхнул его, а затем развернул в свою сторону и тут-то железные когти смертельного ужаса, уходящего своими корнями в беспредельное прошлое, сокрытое в бездонной пучине вечной ночи, навеки вцепились мне в душу.

Ибо Артур Монроу был мертв, а вместо его лица моим глазам предстало отвратительное кровавое месиво.

3. Что означало красное зарево

В ночь на 8 ноября 1921 года разразилась жестокая буря. Она застала меня у особняка Мартенсов, на сей раз в абсолютном одиночестве. Несмотря на разыгравшуюся непогоду, я с идиотским упорством раскапывал могилу Яна Мартенса при свете отбрасывавшего неясные тени фонаря. Буря стала собираться еще днем, когда я только приступил к раскопкам, а сейчас ночная мгла плотно окутала землю, и неистовые порывы ветра терзали густую листву гигантских дубов, охранявших покой старинного дома.

События, начало которым было положено 5 августа, основательно выбили меня из колеи. Мне было отчего сойти с ума: тень демона в особняке, нечеловеческое напряжение нервов, трагический случай с Артуром Монроу, гибель которого представлялась мне на редкость жуткой и непонятной. Я догадывался о том, какие чувства вызовет она у местных жителей, и потому тайком схоронил его, надежно запрятав растерзанное тело от посторонних глаз; я предпочел, чтобы его сочли бесследно исчезнувшим. Я хорошо справился со своей задачей: все попытки отыскать его ни к чему не привели. Наверняка поселяне заподозрили что-то неладное в этом исчезновении, но я молчал, не желая лишней раз пугать их. Может быть, это прозвучит странно, но гибель моего спутника не вызвала у меня обычной в таких случаях жалости. Испытанное в особняке потрясение не прошло для меня бесследно: в тот момент что-то перевернулось в моем сознании, и я не мог помышлять ни о чем другом, кроме как о поисках Затаившегося Страха; памятуя о судьбе Артура Монроу, я решил продолжать расследование в одиночку и хранить обо всем глубокое молчание.

Обстановка, в которой происходили раскопки, могла бы кого угодно довести до нервного потрясения. Мрачные первобытные деревья, неестественно огромные и уродливые, зловеще возвышались надо мною, словно каменные столпы в друидском храме; они стояли такой плотной стеной, что до меня долетали только слабые отзвуки раздававшихся над головой сильнейших раскатов грома, а проливной дождь и сопровождавший его ужасающей силы ветер почти полностью поглощались этой дьявольской растительностью, напоминая о себе лишь редкими каплями и слабыми дуновениями. На фоне заскорузлых стволов, освещаемых тусклыми, едва пообивавшимися сквозь листву вспышками молний, поднимались стены необитаемого особняка, увитые плющом и покрытые пятнами сырости; немного ближе ко мне простирался уже целую вечность разраставшийся без присмотра сад в голландском

стиле, дорожки и беседки которого были густо покрыты какой-то белой плесенью, бурно разросшейся в этом нескончаемом полумраке. И уже совсем рядом находилось семейное кладбище Мартенсов; стоявшие там скособоченные деревья широко раскинули свои жуткие ветви, а их корни сдвинули с могил плиты, никогда не знавшие ухода и почитания и высасывали яд из лежащих под ними останков. Глядя на низкие холмики, чьи очертания угадывались под бурным покровом гниющих во мгле допотопного леса листьев, я с дрожью вспоминал точно такие же бугорки, разбросанные по всей истерзанной молниями округе.

К заброшенной могиле меня привела история. Да, только к истории оставалось мне обратиться, ибо все мои практические действия вызывали одни лишь сатанинские издевательства судьбы. Теперь я твердо был уверен в том, что Затаившийся Страх был нематериальным телом, призраком, обладавшим волчьими клыками и передвигавшимся верхом на полуночных молниях. Исходя из многочисленных преданий, услышанных мною еще в пору наших совместных с Артуром Монроу поисков демона, я решил, что это мог быть только призрак Яна Мартенса, умершего в 1762 году. Потому-то я и торчал в ту ночь у проклятого особняка и, более того, с идиотским упорством раскапывал могилу одного из его обитателей.

Особняк Мартенсов был построен в 1670 году Герритом Мартенсом, преуспевающим коммерсантом из Нового Амстердама, который не мог смириться с переходом голландских поселений под власть Британской короны. Неприязнь к английским чиновникам и вообще ко всему английскому заставила его уйти в этот Богом забытый край и возвести дом на одинокой горной вершине, что привлекла его своей удаленностью от людских поселений и необычностью пейзажа. Летом, однако, над горою часто бушевали жестокие грозовые бури, и это было, вероятно, единственным обстоятельством, омрачившим радость Геррита Мартенса по поводу окончания строительства особняка. Еще только выбирая эту возвышенность для возведения дома, хеер Мартенс решил, что гора тут ни при чем просто лето выдалось грозовое. Но страшные грозы сотрясали Темпест-Маунтин каждое последующее лето, но Мартенсу не оставалось ничего, кроме как жалеть о выборе места, ибо дом уже стоял на горе, и исправлять что-либо было поздно. В последствии, сочтя эти грозы причиной мучивших его головных болей, он оборудовал подвал, куда спускался всякий раз, когда наверху бушевал кромешный ад.

О потомках Геррита Мартенса было известно меньше, чем о нем самом. Поскольку все Мартенсы воспитывались в духе ненависти ко всему английскому, они почти не общались с принявшими владычество Британской короны колонистами, а коль скоро таковых было подавляющее большинство, то Мартенсы не вступали в общение фактически ни с кем. Живя сущими отшельниками, они превратились, по свидетельству соседей, в умственно неполноценных людей с трудом могли изъясняться и с таким же трудом воспринимали чужую речь. Все они были отмечены странным наследственным признаком разноцветными глазами, один из которых был, как правило, карим, а другой голубым. Год от года ослабевали их и без того непрочные связи с окружающим миром. И наконец они окончательно отрезали себя от него стенами угрюмого фамильного особняка, вступая в брачные отношения друг с другом и многочисленной прислугой. В результате число обитателей этого убежища настолько возросло, что многие из них,

окончательно деградировав в столь дикой изоляции, покинули поместье и смешались с населявшими прилегающие долины метисами вот откуда берут начало нынешние убогие поселяне. Другая же часть обитателей дома Мартенсов так и осталась жить в своем мрачном родовом гнезде, уже не представляя себе жизни вне своего клана и постепенно утрачивая последние речевые навыки. И лишь одно чувство не атрофировалось у них со временем они по-прежнему весьма болезненно реагировали на частые грозы.

Большая часть этой информации исходила от Яна Мартенса. Движимый жаждой приключений, он вступил в колониальную армию, едва Темпест-Маунтин достигло известие об Олбанской конвенции. Он был первым из потомков Геррита, которому удалось повидать мир. Когда же шесть лет спустя, после завершившейся в 1760 году кампании, он вернулся в свое родовое поместье, ему пришлось столкнуться с открытой ненавистью, которую, несмотря на его разноцветные мартенсоновские глаза, испытывали к нему отец, дядья и братья еще бы, ведь он явился из ужасавшего их большого мира. А он, в свою очередь, с трудом выносил бесчисленные предрассудки и странности своего семейства. И хотя проносившиеся над горой грозы уже не вызывали у него болезненных ощущений, окружавшая обстановка все больше угнетала его, и в письмах к своему проживавшему в Олбани другу он все чаще и чаще писал о своем намерении покинуть отчий дом.

Весной 1763 года Джонатан Гиффорд, олбанский друг Яна Мартенса, начал беспокоиться по поводу долгого молчания последнего; беспокойство это усугублялось тем, что Джонатан знал о царившей в доме Мартенсов обстановке и о дурном отношении к Яну его родственников. Решив навестить Яна лично, он оседлал коня и отправился в горную глушь. Судя по его дневнику он достиг Темпест-Маунтин 20 сентября и нашел особняк в ужасающе ветхом состоянии. Угрюмые Мартенсы, потрясшие его своей воистину скотской нечистоплотностью, сказали ему, с трудом ворочая непослушными языками, что Ян мертв. Его убило молнией, упрямо повторяли они, еще той осенью, и сейчас он лежит в могиле у самого края прилегающего к дому сада. Они показали посетителю неухоженную могилу без каких-либо знаков и надписей над ней. Вызывающая манера, в которой Мартенсы принимали Гиффорда и рассказывали ему о смерти Яна, была явно подозрительной, а потому неделю спустя, вооружившись заступом и мотыгой, Гиффорд вернулся в поместье и раскопал место захоронения. Он нашел то, что и ожидал найти проломленный зверским ударом череп и, вернувшись в Олбани, публично обвинил Мартенсов в убийстве их родственника.

Несмотря на отсутствие прямых улик, история об убийстве быстро облетела всю округу, и с этого дня люди отвернулись от Мартенсов. Никто не имел с ними никаких дел, а их удаленный особняк начали обходить стороной, как место, над которым тяготело проклятие. Мартенсы как-то ухитрились жить независимо от внешнего мира, потребляя выращенные у себя продукты. На то, что в этом угрюмом особняке все еще теплилась жизнь, указывали загоравшиеся время от времени в окнах огни. Последний раз эти огни видели в 1810 году, но уже задолго до того они зажигались крайне редко.

Мало-помалу вокруг особняка и горы, на которой он стоял, возник ореол жутковатой легендарности. Место это по-прежнему обходили стороной, о нем рассказывали шепотом самые невероятные истории. Только в 1816 году поселенцы решились навестить

старый дом и узнать причину долгого отсутствия огня в окнах. Явившись туда, любопытствующие не обнаружили в доме ни одной живой души; да и сам особняк наполовину превратился в развалины.

Ни в особняке, ни вокруг него любопытствующие не обнаружили ни одного скелета и в конце концов пришли к заключению, что обитатели дома скорее всего покинули его, и, если они и нашли смерть, то только не в этих стенах. Вероятно, это случилось несколько лет назад. Огромное количество наскоро сколоченных навесов (строения эти нельзя было назвать хижинами) указывало на то, как сильно разросся их клан в последние годы. Было очевидно, что они опустились на крайнюю ступень вырождения, о чем свидетельствовала разломанная мебель и разбросанное по всему дому столовое серебро, явно давно уже не знавшее ухода. И все же, несмотря на то, что дом был оставлен его жуткими хозяевами, Страх обитал в нем по-прежнему, если только не возрос многократно. По горам прокатилась волна новых зловещих преданий о доме на Темпест-Маунтин, ужасном, опустевшем навещаемым мстительным призраком. Вот этот-то дом и возвышался надо мною в ночь, когда я раскапывал могилу Яна Мартенса.

Я назвал свои продолжительные раскопки идиотским занятием; оно и действительно представляется таким, если учесть объект и метод раскопок. Мне довольно быстро удалось докопаться до гроба, под крышкой которого я обнаружил пригоршню праха и больше ничего. Охваченный яростным порывом, я принялся копать дальше, словно намереваясь достать из-под земли призрак Яна Мартенса собственной персоной. Один Бог знает, что в действительности я надеялся найти; помню только неотвязную мысль о том, что раскапываю могилу человека, чей дух бродит по ночам в окрестностях Темпест-Маунтин.

Трудно сказать, до каких чудовищных глубин дошел бы я, орудуя своей лопатой, если бы она, пройдя сквозь тонкий слой глины, не провалилась в пустоту. Что и говорить, происшедшее меня потрясло наличие подземных пустот подтверждало мою сумасшедшую гипотезу. Вслед за лопатой в образовавшееся отверстие полетел и я сам; во время падения моя лампа погасла, но я тут же достал из кармана электрический фонарик и осветил им стены небольшого горизонтального туннеля, бесконечно протянувшегося в обоих направлениях. Туннель был достаточно широк, чтобы протиснуться сквозь него; и хотя ни один человек, будучи в здравом уме, в тот момент не решился бы на столь дикий поступок, я презрел опасность и бесстрашно пополз по узкому проходу в направлении дома, корчась и извиваясь, как червяк.

Какими совами описать эту картину затерянный в бесконечном подземном пространстве человек в диком исступлении пробивается сквозь тесный туннель, впиваясь ногтями в землю и чувствуя нехватку воздуха при каждом движении. Боже, что это был за туннель! Его невероятные изгибы вели к черной бездне, несовместимой с понятиями времени и пространства. О своей безопасности я тогда и не помышлял; впрочем, об объекте моих поисков я тоже благополучно забыл, всецело сосредоточившись на продвижении по этому жуткому подземелью. Это был суший кошмар, но я упрямо продвигался вперед. Это продолжалось так долго, что вся моя прошлая жизнь показалась мне далеким бледным видением, и я ощутил себя всего лишь одним из неведомых подземных кротов, населявшим эти адовы глубины. Внезапно я

вспомнил о своем электрическом фонарике; непонятно, почему мысль о нем пришла мне в голову лишь в конце проделанного мной пути. Я щелкнул переключателем и в тусклом луче электрического света увидел глиняные стены прохода, уходившего прямо вперед и плавно заворачивавшего где-то вдали.

Еще некоторое время я продолжал ползти. Мой фонарик уже начал сдавать, когда проход круто пошел вверх, и мне пришлось менять способ передвижения. Я задрал голову и неожиданно увидел два далеких демонических отражения моего угасавшего светильника. Две эти точки, гибельные и лучезарные, холодно мерцавшие в жуткой крошечной мгле, были способны свести с ума кого угодно такие невероятные ассоциации они вызывали. Я замер на месте, предчувствуя смертельную опасность, но мозг мой отказывался повелевать моими членами, и я не мог двинуться ни вперед, ни назад. Жуткие глаза приблизились ко мне; но само существо было по-прежнему скрыто подземной мглой. Мне удалось различить только один коготь но, Боже мой, какой это был коготь! Затем я услышал донесшийся сквозь земляную толщу характерный треск, природу которого определил в тот же миг это грохотала и неистовствовала страшная гроза над горой. Поскольку некоторую часть пути я продвигался вверх, мне было ясно, что поверхность земли была уже близка, и глухие раскаты грома могли достигать подземного прохода. Но я по-прежнему был окутан крошечной тьмой, в которой светились бездушной злобой вперившиеся в меня глаза.

Слава Богу, тогда я не знал, что это было, иначе наверняка сразу бы испустил дух. Спасло меня не что иное, как гром небесный, который вдруг грянул с невообразимой силой. После нескольких минут кошмарного ожидания с невидимых высот на гору обрушился один из тех ударов, что оставляли после себя лишь груды вздыбленной земли и воронки огромных размеров. Титанической силы молния поразила проклятое подземелье, пробив отделявший его от поверхности слой глины, попутно ослепив, оглушив и едва не парализовав меня.

Некоторое время я беспомощно барахтался посреди земляных комьев и потоков грязи. На поверхности бушевал сильнейший дождь. Осмотревшись, я обнаружил, что нахожусь в знакомом мне месте на крутом, лишенном растительности юго-западном склоне горы. Яркие молнии то и дело освещали вздыбленную землю и остатки низкого пригорка, протянувшегося вдоль уходящего вверх, поросшего лесом склона. Теперь уже было бы невозможно найти место моего выхода из погребельных катакомб. Мой рассудок пребывал в столь же диком смятении, что и земля у меня под ногами; а потому в тот миг, когда вдали к югу от меня вспыхнуло яркое красное зарево, я еще не постиг окончательно, какого немислимого кошмара удалось мне избежать в ту ночь.

Когда спустя пару дней поселяне поведали мне, отчего вспыхнуло это зарево, я испытал ужас, несравнимый по силе с тем, что сковал меня под землей, в виду горящих глаз и сверкающих когтей неведомого монстра. В деревушке, что лежала в двадцати милях от Темпест-Маунтин, произошел очередной разгул Страха. Вслед за ударом молнии, выбросившем меня на поверхность земли, с ветки дерева, раскинувшегося над одним из домов, прыгнуло неведомое существо и, проломив крышу, устроило в нем жуткое пиршество. Чудовище сделало свое дело, но охваченные яростью поселенцы подожгли хижину до того, как ему удалось ускользнуть. Это случилось как раз в тот

момент, когда когтистого монстра с горящими глазами похоронила под собой обрушившаяся от удара молнии земля.

4. Ужас в глазах

Разумеется, нужно быть безнадежным безумцем, чтобы, зная то, что открылось мне за последние дни, в одиночку продолжать поиски Затаившегося Страха. То, что по крайней мере два воплощения демона оказались уничтоженными, было довольно слабой гарантией моей умственной и физической безопасности в этом Ахероне многоликого демонизма. И все же, чем более чудовищные вещи всплывали на поверхность, тем большим становилось рвение, с каким я продолжал свои поиски.

Когда через два дня после моей вылазки в логово обладателя страшных когтей и глаз я узнал, что в тот же самый момент в двадцати милях от ненавистного подземелья парил злой дух, я испытал буквально конвульсивный ужас. Но этот ужас одновременно пробуждал во мне дикий интерес в нем была некая чарующая гротескность, что делало мои ощущения почти приятными. Порою в ночных кошмарах, когда неведомые силы проносят нас в своих вихревых объятиях над крышами мертвых городов, увлекая к хохочущему зеву ущелья Нисы, мы находим огромное наслаждение в том, чтобы дико кричать и бросаться какая бы бездонная пропасть ни открывалась перед нами в этот безумный вихрь ночных образов. То же самое происходило сейчас и со мной сознание того, что в округе обитали два монстра, окончательно свело меня с ума, заставляя очертя голову погружаться в самую глубь земли и рыть ее голыми руками в поисках смерти, взиравшей на меня буквально с каждого дюйма отравленной почвы.

На следующий день я снова пришел на могилу Яна Мартенса и раскопал ее во второй раз. Это не принесло никаких результатов оползни уничтожили все следы подземного прохода, выкопанный грунт смыло дождем обратно в яму, и я даже не мог определить, насколько глубоко удалось мне раскопать могилу на этот раз. Я проделал утомительный путь к отдаленной деревушке, где погибло в огне отродье Страха, однако не нашел там ничего, что могло бы послужить достойным вознаграждением за мои труды. Мне лишь удалось откопать в золе несколько костей, да и те явно не принадлежали монстру. От местных жителей я узнал, что жертвой погибшего в огне демона пал единственный обитатель хижины, но я убедил их в обратном, представив им на рассмотрение обнаруженный на пепелище обгорелый, но, тем не менее, хорошо сохранившийся человеческий череп и несколько костных осколков, которые, без сомнения, были некогда частью другого черепа. Никто не мог даже приблизительно описать монстра, хотя многие видели, как он прыгал с дерева; все называли его просто дьяволом. Тщательно осмотрев огромное дерево, в кроне которого скрывалось чудовище, я не нашел никаких следов его пребывания там. Я также пытался найти следы, которые, по логике вещей, должны были вести в соседний темный лес, но мои поиски продолжались недолго я не мог вынести вида неестественно огромных стволов деревьев и их жутких корней, торчавших над землей и зловеще змеившихся во всех направлениях.

Следующим шагом был проведенный с микроскопической тщательностью повторный осмотр опустевшей деревни, где смерть собрала свою самую обильную дань и где за минуту до смерти несчастный Артур Монроу увидел то, о чем не успел сказать. Хотя мои

предыдущие безрезультатные поиски были в высшей степени скрупулезными, сейчас у меня появились новые идеи, которые требовали подтверждения. Побывав в могиле Яна Мартенса, я убедился, что обитавшее под землей существо было по меньшей мере одним из воплощений демона. Тот день, 14 ноября, я потратил на осмотр склонов Коун-Маунтин и Мейпл-Хилл, с которых хорошо просматривалась деревня. Особенно внимательно я изучал рыхлые оползни на Мейпл-Хилл.

Я потратил на поиски добрую половину дня, но это не принесло мне ровным счетом ничего нового. Когда над холмами стали сгущаться сумерки, я все еще стоял на Мейпл-Хилл и смотрел вниз устремляя взор то на деревушку, то на Темпест-Маунтин. После заката солнца, который в тот вечер был просто великолепен, вошла луна и залила своим серебристым светом равнину, возвышавшиеся вдали горные вершины и странные приземистые холмики, которыми была усеяна вся окружающая местность. Это был вполне мирный пасторальный пейзаж, однако он не вызывал у меня ничего, кроме ненависти, ибо мне хорошо было известно, что скрывается за его кажущейся безмятежностью. Я ненавидел сиявшую с издевательской щедростью луну и терзавшие мою душу горы, а к зловещим продолговатым холмикам испытывал самое настоящее отвращение. Казалось, все вокруг было поражено неким омерзительным недугом и отовсюду ощущалось смертоносное дыхание потаенных сил зла.

Рассеянно взирая на залитую лунным светом долину, я внезапно подметил весьма странную с точки зрения топографии особенность местности. Я имею ввиду расположение вышеупомянутых холмиков, а также их природу. Не обладая специальными знаниями в области геологии, я тем не менее сразу же заинтересовался происхождением этих загадочных бугорков, в изобилии разбросанных вокруг. Я успел заметить, что особенно много их было у самой вершины Темпест-Маунтин и несколько меньше у подножия горы. Я принимал их за результат сопротивления почвы наступавшим на нее миллионы лет тому назад ледникам. Сопротивление это, вполне естественно, оказалось гораздо слабее на вершине горы. Однако теперь, при свете луны, низко повисшей на ночном небосводе и делавшей тени предметов особенно длинными и таинственными, мне вдруг пришло в голову, что между странными холмиками и громадой Темпест-Маунтин существует некая еще не понятая до конца и в то же время строгая система пространственных отношений. Вершина горы была, вне всякого сомнения, центром, от которого неравномерно разбросанными лучами отходили ряды холмиков, как если бы зловещий дом Мартенсов был спрутом, раскинувшем щупальца Страха в ожидании появления очередной жертвы. Этот фантастический образ внушил мне необъяснимый трепет, и я решил проанализировать причины, по которым ранее счел эти холмики результатом деятельности ледника.

Еще раз обдумав все самым тщательным образом, я отбросил ледниковую гипотезу, после чего опять одолели гротескные, ужасные в своей смысловой направленности аналогии, основанные не только на моем вчерашнем посещении подземного логова, но и на доскональном знании рельефа и прочих особенностей местности. Еще не придя к какому-либо определенному заключению, я, как полоумный, безостановочно бормотал одни и те же обрывки фраз: Боже мой!.. Кротовины... проклятое место наверняка изрыто норами... сколько же их... в ту ночь в особняке... они схватили сначала Тоби и Беннета... по обе стороны от меня... Затем в каком-то исступлении я принялся раскапывать

ближайший ко мне холмик; руки мои отчаянно дрожали, но вместе с тем меня не покидало состояние непонятого веселого возбуждения. Неожиданно из моей груди вырвался крик изумления я наткнулся на точно такой же туннель, что и тот, по которому я пробирался в кошмарную предыдущую ночь.

Что было потом? Я помню свой бешеный бег по залитым лунным светом лугам и по жуткому черному лесу, покрывавшему склон горы. Зажав в руке лопату, совершая огромные прыжки и крича во всю глотку что-то нечленораздельное, я бежал к особняку Мартенсов. Я помню, как очутился в подвале, который оказался буквально по крышу заполонен зарослями вереска; помню несколько безуспешных попыток откопать сердцевину губительного подземного мира, из которого исходили зловещие приземистые холмики. Еще помню свой идиотский смех, когда мне наконец удалось наткнуться на подземный проход в основании каминной трубы там рос могучий бурьян, отбрасывавший причудливые тени в мерцающем свете свечи, случайно оказавшейся у меня под рукой. В тот миг я не знал еще, что именно обитало в этих адских подземных сотах, и дожидался раскатов грома, которые пробудили бы их обитателей. Здесь погибли два моих друга; и, может быть, причиной их смерти были существа, населявшие эти адовы глубины. Ни на секунду не оставляло меня фанатичное желание, которым я был одержим вот уже столько дней желание узнать тайну Затаившегося Страха, который я некогда классифицировал как материальный и органический.

Мои размышления по поводу того, осматривать ли проход в одиночку прямо сейчас (у меня был при себе карманный фонарик) или попытаться позвать на помощь поселян, были прерваны внезапным порывом ветра, ворвавшегося в подвал снаружи и задувшего мою свечу. Я оказался в полной темноте. Луна больше не светила сквозь щели и отверстия в крыше подвала, и, чувствуя, как меня охватывает безумная тревога, я услышал в отдалении зловещее ворчание приближавшейся грозы. В моем мозгу пронеслась череда причудливо сплетенных между собою образов и ассоциаций, побудивших меня забиться в самый дальний угол подвала. И все же, несмотря на сковывавшее меня оцепенение, я не спускал глаз с кошмарного отверстия в основании камина. В слабом мерцании молний, пробивавшемся сквозь щели в стенах, моему взору представляли то груды раскрошившихся кирпичей, то заросли отвратительного бурьяна. Каждое новое мгновение наполняло меня страхом и в то же время возбуждало жуткое любопытство. Кого вызывала буря из этого убежища? Да и было ли кого вызывать отсюда? В ярком свете, отбрасываемом молниями, я выбрал себе укрытие позади густой поросли бурьяна и затаился там. Надо признать, это был благоразумный шаг из своей засады я мог следить за отверстием в трубе, не опасаясь, что сам окажусь замеченным.

Если небеса окажутся милосердными, то когда-нибудь они сотрут из моей памяти увиденное мною и дадут мне прожить остаток дней моих в состоянии относительного душевного покоя. Я до сих пор не могу спать по ночам, а во время грозы вынужден прибегать к помощи опиума. Представшая моему взору картина открылась мне внезапно, без какого-либо предупреждения. Я увидел стремительный демонический поток, что струился подобно полчищам выбегающих из норы крыс; поток, вырвавшийся из каких-то невообразимых глубин и сопровождавшийся тяжелым дьявольским дыханием и сдавленным ворчанием словно какая-то неведомая бомба разорвалась под землей, изрыгнув из преисподней на поверхность неисчислимое множество смертельно

ядовитых осколков. Это была омерзительная пляска дьявольской ночи, нескончаемое движение полуразложившихся органических тел, вид которых был настолько жутким и чудовищным, что перед ними бледнело отвращение, вызываемое искусственными созданиями черной магии. Бурлящий, вздымающийся и пенящийся, подобный переплетению змеиных тел, поток вырывался из отверстого зева у основания камина, подобного ядовитой заразе растекался по подвалу, сквозь щели и дыры, выскальзывал из него наружу и там разбивался на множество мелких потоков, которые, растекаясь во все стороны, исчезали во тьме проклятого леса, неся страх, безумие и смерть.

Бог знает, сколько их там было должно быть, тысячи. Вид этого страшного потока в слабых отблесках молний, время от времени озарявших местность, потряс меня до глубины души. Когда же наконец он стал иссякать и распался на отдельные особи, мне впервые удалось разглядеть их это были карликовые, уродливые, густо поросшие волосатым покровом обезьяно-подобные существа, некие чудовищные, демонические карикатуры на род людской. Все это время они оставались совершенно безмолвными я не услышал даже слабого писка, когда одна из пронесившихся мимо тварей отработанным движением вцепилась в своего более слабого собрата и принялась пожирать его. На помощь каннибалу поспешили другие и с тошнотворным наслаждением доели то, что осталось от жертвы. Усилием воли я стряхнул с себя вызванное страхом и отвращением оцепенение мое болезненное любопытство все же побороло царивший в душе ужас и в тот момент, когда последнее из чудовищ покидало свое адское пристанище, я достал пистолет и с наслаждением всадил в него пулю.

Потом были визжащие, скользкие, стремительные тени багрового безумия, обгонявшие друг друга в бешеном полете по бесконечным коридорам сверкающего молниями кроваво-красного неба; бесформенные фантомы и калейдоскопические образы дьявольского пейзажа, навеки запечатлевшегося в моей памяти; чащи чудовищных переросших дубов со змеевидными корнями, высасывающими мертвенные соки из почвы, кишачей миллионами дьяволов-каннибалов; ряды жутких приземистых холмиков-полипов, омерзительными щупальцами заброшенных во внешний мир из центров подземной перверсии; смертоносные молнии, чей блеск озарял увитые плющом стены и затянутые бурно разросшейся плесенью демонические аркады... Мне остается только благодарить Всевышнего за ниспосланное на меня интуитивное озарение, которое научило меня спасти свою жизнь, укрывшись в обитаемых людьми местах, ибо вряд ли мой смятенный рассудок смог бы самостоятельно привести меня в деревню, мирно спавшую под ясным звездным небом.

Мне понадобилась целая неделя, чтобы прийти в себя, после чего я вызвал из Олбани команду взрывников. Они заложили в особняк на Темпест-Маунтин изрядную порцию динамита. Сила взрыва была огромна особняк и вся верхняя часть Темпест-Маунтин оказались стертыми с лица земли. Кроме того, ребята из Олбани замуровали подземные ходы во всех обнаруженных на поверхности холмиках и уничтожили некоторые неестественно громадные деревья, своим существованием отравлявшие ландшафт. После того, как все эти мероприятия были закончены, ко мне вернулся сон, однако состояние душевного покоя навсегда покинуло меня с тех пор, как я узнал сокровенную тайну Затаившегося Страх. Страх цепко держит меня своими когтями, ибо кто может сказать наверняка, что дьявольское наваждение из Темпест-Маунтин уничтожено до

конца и что где-нибудь в огромном мире нет чего-нибудь подобного? Кто осмелится, зная то, что знаю я, вспоминать о неведомых подземных пещерах без панического страха за свое будущее? Я не могу без содрогания видеть колодец или вход в метро... Почему врачи не в состоянии прописать мне лекарство, приносящее успокоение во время грозы?

То, что я увидел в зареве вспышки выстрела, было настолько очевидным, что в течение целой минуты я сохранял спокойствие. Затем до меня дошла суть увиденного, и на некоторое время я потерял рассудок. Представшее моему взору существо вызывало тошноту это была омерзительная белесая гориллоподобная тварь с острыми желтыми клыками и свалявшейся шерстью, конечный результат дегенерации человекоподобных млекопитающих, чудовищное порождение жуткой популяции каннибалов, бесчисленные поколения которых обитали в страшной подземной изоляции. Я увидел воплощение хаотического, ощерившегося Страх, который крадется по пятам жизни, одержимый желанием погубить ее. Застреленное мною существо издохло, но я успел перехватить его предсмертный взгляд. Глаза его были того же странного свойства, что отличало горящие зенки существа, встреченного мною под землей, и вызывали они такие же безумные ассоциации. Один из них был голубой, другой карий. Это были разноцветные мартенсовские глаза, глаза из древних легенд и преданий; глаза, открывшие мне в пароксизме наполнявшего подвал безмолвного ужаса, во что превратился этот исчезнувший род, обитавший некогда в страшном, отрезанном от мира доме на вершине Темпест-Маунтин?

Перевод: Евгений Мусихин

1992 год